

Л. П. Кузьмина

ПЕСНИ ГОРНОЗАВОДСКИХ И ПРИИСКОВЫХ РАБОЧИХ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ СИБИРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА (XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Фольклор как источник изучения положения рабочих дореволюционной России специально не рассматривался; лишь некоторыми историками, этнографами, писателями он использовался в качестве иллюстративного материала для показа положения пролетариата. Отдельные произведения рабочего фольклора, отражающие положение и условия труда сибирских рабочих, попадают в печать еще в XVIII в. В середине XIX в. П. М. Ядринцев, В. И. Семевский, С. В. Максимов и другие прогрессивно настроенные исследователи использовали в своих трудах песни рабочих как своего рода документы, обличающие крепостное право и эксплуатацию трудящихся в условиях капитализма. Благодаря им для науки сохранились лучшие образцы песенного творчества рабочих, которые по праву названы поэтическими памятниками пролетариата дооктябрьского периода¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции устно-поэтическому творчеству рабочих стало уделяться особое внимание. При этом в основном исследовались идейное содержание рабочего фольклора, отражение в нем классового самосознания рабочих и их борьбы за свои права. Условия труда и быта пролетариата России по фольклорным источникам не изучались. Между тем именно в фольклоре — в песнях, преданиях, устных рассказах можно найти достоверные факты, раскрывающие особенности положения различных групп рабочих в дореволюционное время. Это подтверждается первыми записями песен рабочих Сибири, сделанными в 20—30-е годы².

В данном сообщении основное внимание уделяется малоизвестным и неизвестным песенным текстам. Самые ранние из дошедших до нас поэтических произведений сибирских рабочих относятся к периоду становления заводов, рудников, шахт и началу развития золотого промысла в Сибири. В Нерчинском и Алтайском горных округах первые заводы и рудники появляются в XVIII в. Однако добыча металлов была затруднена недостатком рабочих рук. Потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет мастеровых, знавших рудное и плавильное дело. Их присылали вместе с семьями из разных мест, нередко с Урала и даже из

¹ См.: Н. М. Ядринцев, «Русская община в тюрьме и ссылке», СПб., 1872; Л. П. Блюммер, На Алтае, СПб., 1883; В. И. Семевский, Из истории обязательного горнозаводского труда в Сибири, «Сибирский сборник», вып. 4, Иркутск, 1897; его же, Рабочие на сибирских золотых промыслах, СПб., 1898; С. В. Максимов, Сибирь и каторга, ч. 1, 2, 3, СПб., 1871—1900; П. В. Богашев, Письма из Приаргуны, «Сборник газеты „Сибирь“», т. 1, СПб., 1876.

² «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири» (составитель А. Гуревич), Иркутск, 1940; А. А. Мисюрев, Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири, Новосибирск, 1940; Л. Е. Элиасов, Песни горнозаводских рабочих Забайкалья XVIII в., «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского ин-та», Сибирское отделение АН СССР, вып. 6, сер. историко-филол., Улан-Удэ, 1961.

центральных областей России. Как бы ни был далек путь, мастеровые проделывали его пешком. Гибель рабочих во время мучительных переходов в Нерчинский горный округ и от каторжной работы на сибирских рудниках и заводах — одна из ведущих тем поэтического творчества первых поколений сибирского пролетариата.

Одна из наиболее ранних песен этой тематики обнаружена нами в деле «Нерчинской горной экспедиции 1795—1799 гг.»³. Она повествует о переселении семей мастеровых нерчинских рудников в Петровский железодельный завод, основанный в 1790 г. в болотистой местности. О положении рабочих на Петровском железодельном заводе красноречиво говорят первые строки песни:

Кто не был во Петровском, тот горя не знает,
Мы были во Петровском, все горё знаем...⁴

В песнях содержится также жалоба на правителя, который не платит за труд и заставляет работать день и ночь:

Мы просили сильно, братцы, в еликом уплаты,
Выдавал он нам уплаты — кирки да лопаты.
У злодея, у его, злые ево очи,
Не дает он, вор, собака, ни дня нам, ни ночи...⁵

Практика постоянного насильственного переселения людей для обеспечения сибирских заводов рабочей силой отразилась и в других произведениях устного народного творчества. Так, в песне «Вспомним, братцы!» рассказывается о принудительном переселении алтайских рабочих в Нерчинский горный округ:

Вспомним, братцы, как гоняли
Нас с Алтая в дальний край.
.....
Строем пешим кругло лето
Офицер нанялся гнать,
Ни в жару, ни в дождь проливный
Не давал нам отдыхать.
Как к Иркутску подходили —
Поубавились ряды:
Кто дорогой обезножил,
А кто помер от жары.
По дороге много пало;
Их мы клали на траву...⁶

Автор называет конкретных лиц, причастных к гибели неповинных людей: «Нам царица приказала: серебра ей больше дать». Песня содержит и другие социально заостренные замечания по поводу жесточайшей эксплуатации на нерчинских сереброплавильных заводах и рудниках.

Другой темой, раскрывающей положение сибирских горнорабочих, является показ процесса работы и условий труда. Круг таких произведений, относящихся к раннему этапу развития рабочей поэзии, весьма ограничен. В связи с этим представляется очень интересной обнаруженная нами в Государственном архиве Алтайского края песня, созданная и исполнявшаяся в XVIII в. горнорабочими.

³ «Дело об оштрафовании шихтмейстера Киргизова, май, 3 дня, 1795», Гос. архив Читинской области, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 249, л. 454.

⁴ Там же, л. 454.

⁵ Там же.

⁶ Л. Е. Элиасов, Указ. раб., стр. 145

Лучшая работа у подъема руды,
Только берегись, как бы не упасть туды,
Того уж не поднимешь, кто в яму упал.
Загребли его — в земле с мертвыми попал⁷.

Поэтическое творчество рабочих, обличая условия подневольного труда, отражает их классовую ненависть к непосредственным угнетателям, к тем, кто был причастен к созданию каторжных условий труда и нечеловеческих условий быта. Отсталые, забытые рабочие наивно считали, что источник зла кроется в безраздельной и неограниченной власти управляющих заводами, смотрителей, подрядчиков и т. п. Показательны в этом отношении песни об управляющих Нерчинским горным округом. Очень часто в них упоминается Нарышкин, возглавлявший горное производство до 1778 г. Его правление отличалось особой жестокостью. «Административная сила в руках сумасбродного и почти помещанного В. В. Нарышкина превратилась в оружие безотказного и безобразного произвола»⁸, — писал о нем С. В. Максимов. Подчеркивая свою ненависть к этому человеку, создатели песен называют его «Злой хозяин, ты — гадюга» или «Злой хозяин, ненасытный» и т. п.

Интересны описанием условий труда и быта и оценкой положения рабочих нерчинских заводов и рудников варианты песни о Барботе де Марни, записанные в Читинской области. Барбот де Марни, один из начальников Нерчинских заводов, проявил себя как ярый ненавистник всякой «крамолы» со стороны рабочих. По его распоряжению были жестоко наказаны исполнители упоминавшейся выше песни «Кто в Петровском не бывал»⁹.

Описание жизни рабочих при Барботе де Марни дано в песне «Как Барбот пришел на Нерчу»¹⁰. С самого начала песни повествует о наказании рабочих как о повседневном явлении:

Барбот на Нерчу к нам пришел,
Свои порядки тут завел:
Кого березой по спине,
Кого бичом по голове...¹¹

Рабочих за малейшую провинность бросали в рудники, где они трудились без воздуха и света:

Не моргнешь, бывало, оком,
Как под землю угодишь,
А там, известно, гладь да тишь,
Сверху капает вода,
Под ногами та ж беда.
Спина согнута дугой,
Пред тобой сырой забой,
Темнота, хоть глаз коли,
Знай руду долби, долби...¹²

Идейный стержень песен горнорудных рабочих Сибири — мечта о свободе. В песнях отражены те наивные формы и методы, к которым прибегали рабочие в борьбе с угнетателями. В отдельных случаях это

⁷ «Дело об указах и донесениях Кольвано-Воскресенскому горному начальству. 1754—1756», Рапорт июня, 25 дня, 1754 г., Гос. архив Алтайского края (далее — ГААК), ф. 1, 1 доп. оп., п. 9, ед. хр. 4, стр. 530—539.

⁸ С. В. Максимов, Сибирь и каторга, ч. 3, 1900, стр. 461.

⁹ Гос. архив Читинской обл., ф. 31, оп. 1, ед. хр. 249, л. 454.

¹⁰ Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР (далее — РО БФСО АН СССР), инв. № 3178, л. 57—59.

¹¹ РО БФСО АН СССР, инв. № 3178, л. 57.

¹² Там же, л. 58.

открытые конфликты между хозяевами и рабочими, чаще же одиночные или коллективные побегі. Однако побегі в тайгу, горы, на острова озер редко удавались. Большую часть беглых в конце концов ловили и жестоко наказывали, но многие из тех, кому удалось выжить, еще не успев оправиться от телесных наказаний, вновь пытались бежать. Эта жажда хотя бы временной свободы ярко выражена в песне «Отошла зима с морозом», рассказывающей о том, что даже после жестокого избиения «виновные» вновь готовятся к побегу: «Нам нечего хворать, давайте поскорее, братцы, лыжи направлять...»¹³.

Цикл приисковых песен начал складываться в первой половине XIX в. По идейному содержанию эти песни близки к творчеству горнорабочих XVIII в. В Восточной Сибири записан ряд песен, рассказывающих о системе найма на работу. В отличие от горной промышленности — на приисках применялся в основном труд вольнонаемных, что отразилось в песнях «На прииска мы нанимались, долго там в тайге шатались» или «Как в тайгу мы нанимались, там задатки нам давались»¹⁴. Некоторые песни подтверждают тот факт, что золотопромышленники проводили набор рабочих организованно. Для этого они рассылали по волостям своих людей. За определенное вознаграждение — задаток — нанималось нужное число рабочих. При этом нередко прибегали к спаиванию рабочих¹⁵. Задаток, получаемый рабочими во время найма, сразу же ставил их в зависимое положение. Помимо задатка, рабочие получали от хозяина инструменты: «...по лопате, по кайле, по чугунной по балде, по широким по бродням...»¹⁶. По окончании работ хозяин высчитывал с рабочих половину стоимости этих инструментов, а на следующий год передавал их другой группе рабочих и так до тех пор, пока они не приходили в полную негодность. После всех вычетов рабочий часто оставался без гроша, и в песенном творчестве приисковых рабочих появился мотив: «Много денег нам сулили, только мало получили, вычет одолел».

Опубликованные тексты, архивные материалы и записи последних лет свидетельствуют, что наибольшей популярностью среди приисковых рабочих пользовались те песни, в которых наряду с показом положения рабочих содержались мотивы обличения и социального протеста. Это можно проследить на неоднократно записанной в разное время и разными собирателями песне «Приисковая-разрезная»¹⁷. Песня интересна достоверностью описания добычи золота, в ней верно отражена характерная для первой половины XIX в. разработка россыпей открытым способом. Со всей золотоносной площадки кайлами и лопатами снимали слой пустой породы и затем вручную добывали обнажившиеся золотоносные пески: «Молодецкою ухваткой, кто кайлой, а кто лопаткой». Лошади, запряженные в таратайки, отвозили пустую породу в отвал, а пски на промывку: «Таратайки накладали, на машину отправляли». Песня «Приисковая-разрезная», по замечанию А. А. Александрова, записавшего ее в начале 90-х годов, исполнялась при отвале пустой породы и по ритму была близка к рабочей «дубинушке»¹⁸.

Рабочие на сибирских золотых промыслах получали от хозяев пищевое довольствие. Н. Томилин записал в 1946 г. в Минусинском крае на Енисее в с. Таштып песню, в которой с глубоким сарказмом сообщалось

¹³ С. М. Пономарев, Что поет про себя Приуралье, «Северный вестник», 1887, № 11, стр. 65.

¹⁴ Рукописный отдел Ин-та русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. колл. 78 (материалы М. В. Красноженовой), № 325.

¹⁵ В. И. Семевский, Рабочие на Сибирских золотых приисках, т. I, СПб., 1898, стр. XXXIV.

¹⁶ «Фольклор Восточной Сибири», Иркутск, 1938, стр. 124, № 429.

¹⁷ Архив Русского географического общества (далее — Архив РГО), разр. 57, оп. 1, ед. хр. 29, № 3, л. 1—2.

¹⁸ Там же, л. 2.

о повседневной пище приисковых рабочих:

Варят кости, одни жилы,
Оттого едва мы живы.
А кормят, точно на убой:
Чаем голову хоть мой¹⁹.

В некоторых песнях встречается описание одной из распространенных на приисках форм косвенной эксплуатации рабочих, выражавшейся в том, что рабочие вынуждены были брать продукты и различные товары в приисковых амбарах-лавках в кредит по завышенным ценам. Товары эти, как правило, были плохого качества, к тому же зачастую совсем не те, в которых рабочие действительно нуждались:

Положенье наше рай,
Знай по лавке забирай!
Набирай себе обнов,
Хоть бросай потом все в ров.
Бери чаю, бери мыло,
Хоть не это нужно было...²⁰

Положение рабочих Сибири в канун буржуазных реформ достаточно полно освещено в поэтическом народном сказании о Разгильдееве и разгильдеевщине²¹. Оно ценно прежде всего своей достоверностью и объективным отражением всех сторон жестокой эксплуатации и невыносимых условий труда и быта приисковых рабочих.

В пореформенный период в поэтическом творчестве рабочих золотых приисков преобладают мотивы, отражающие классовые противоречия, возросшие под влиянием усиления эксплуатации и бесправия рабочих.

Навербованные в разных губерниях Европейской и Азиатской России и завезенные в «нежилые места», рабочие попадали в полную зависимость от владельцев приисков, так как с прекращением навигации на реке Лене выбраться из этих «гнилых» мест было невозможно. Прекращалась даже почтовое сообщение. К тому же рабочий конца XIX — начала XX в., попавший в Витимо-Олекминский округ, не всегда мог найти работу. В одной из песен по этому поводу говорится:

Спустились на лодке по Лене-реке,
У ленцев очутились в гнетущей руке.
Нигде нет наемок. Других нет станов,
И нет нам возврата под собственный кров²².

В результате, чтобы не умереть с голоду, рабочий принимал любые условия хозяина:

Кой-как наймешься, без всяких правов,
Не быть чтоб голодным, на все ты готов²³.

В этой же песне сообщается и об основной пище занятых на промысле рабочих: «Нам рыбы давали огромный лагун, гнилая лишь нельма да тухлый муксун».

¹⁹ РО БФСО АН СССР, инв. № 3235, папка 4.

²⁰ Архив РГО, раз. 57, оп. 1, ед. хр. 29, № 2, л. 1.

²¹ См.: П. В. Богашев, Указ. раб., стр. 247; Н. М. Ядринцев, Указ. раб., стр. 126—128; Мишла (М. Орфанов), В дали. Рассказы из вольной и невольной т. 1, стр. 298—328; «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири», стр. 39—41; жизни, СПб., 1883; В. И. Семейский, Рабочие на сибирских золотых промыслах, Л. Е. Элиасов, Реалистические черты народной песни о Разгильдеевщине, в кн.: «Краеведческий сборник», вып. VI, Улан-Удэ, 1961, стр. 111—112; Могуц, Песни и сказки сибирских крестьян, «Забайкальские областные ведомости», 29 августа 1902.

²² С. Байкалов, Ленская поэзия, «Сибирские вести», 2 октября 1912 г.

²³ Там же.

Особенно много песен, отражающих бедственное положение рабочих этого района, появилось в канун и во время ленских событий 1912 г. Красной нитью через всю поэзию этого периода проходит мысль о том, что ленский рабочий — каторжник, подневольный и бесправный.

Основная тематика песен этих лет связана с описанием условий труда рабочих: «Как кроты в подземных норах, мы, рабочие шахтеры, добывали барыши...»²⁴, «А в передних-то забоях — там вода течет по поясу»²⁵, «Раз пятьсот балдой отвесишь да огнивец лишь подвесишь, мерзлота кругом»²⁶. В своих песнях приискатели пели о работе в шахтах, где с вечной мерзлотой боролись, отогревая землю пожогами и взрывами динамита, где приходилось работать в просачивающейся отовсюду ледяной воде, при свете стеариновых свечей. С глубоким драматизмом рисуются несчастные случаи в шахтах:

Вспомни, товарищ,
Прошедшее лето.
Бедный, он в шахту урал,
Подняли тело,
Все кровью облитое,
Бедный лежал и стонал...²⁷

Наивысшего гражданского звучания достигли произведения, в основу которых легли эпизоды Ленского расстрела. В песне «О Ленском расстреле» говорится, что ближайшим поводом к стачке послужил отпущенный недоброкачественных продуктов: «Мясом конским нас кормили, погнилее всякой гнили»²⁸. В этой и других песнях сообщается о тех экономических требованиях, которые были выставлены рабочими в начале трагических событий, дается картина жесточайшей расправы с бастующими:

Вдруг сигнал раздался «Пли!»,
Следом — залп, кто как легли,
Кто бежал, что есть сил,
Кровопийцы стреляли в тыл.
Кто был ранен, кто убит,
Снег весь кровью был залит...²⁹

Приведенные здесь отрывки из песенного творчества горнорудных и приисковых рабочих XVIII — XX вв. рисуют яркую, эмоциональную картину их жизни и быта. Правдивый показ действительности, достоверное изложение фактов и событий делают эти произведения ценным материалом для изучения положения сибирского пролетариата.

---

²⁴ «Песни ленских рабочих», «Ленский шахтер», 6 мая 1937 г.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.